

Е. В. Иванцова

Томский государственный университет

**Источниковая база лингвоперсонологии:
реальность и стратегии развития***

Последние десятилетия XX – начало XXI в. можно определить как период формирования новой области языкознания – лингвоперсонологии, в центре внимания которой находится говорящий индивид. Получает теоретическое осмысление центральный объект этой сферы лингвистики – «языковая личность» (далее ЯЛ), выдвигаются концепции структуры ЯЛ, ведется поиск методологических принципов описания данного феномена. Наряду с собственно теоретическими вопросами, внимание исследователей привлекает и практика описания ЯЛ. В связи с этим встает вопрос об источниковой базе персонологических изысканий, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Каково состояние этой базы на сегодняшний день? Является ли существующий корпус источников достаточным для решения насущных проблем нового раздела науки о языке, в чем их достоинства и недостатки? Какие стратегические задачи должны быть поставлены для успешного развития исследований ЯЛ? Цель статьи – попытка найти ответ на эти вопросы.

В соответствии с общей классификацией источников, принятой в лингвистическом источниковедении, источники изучения ЯЛ можно разделить на первичные – сложившиеся объективно и вторичные – сформированные исследователями на основе первичных. Оба типа источников активно используются в работах, посвященных личности говорящего.

1. Первичными источниками являются тексты исследуемой ЯЛ

Таковыми источниками служат:

а) художественные тексты-модели ЯЛ

Достаточно распространенным является тезис о возможном изучении личности посредством ее моделирования. К художественному тексту обращаются как к аналогу реального мира, а к персонажу – как к модели человека. Основой для такой модели служит обычно дискурс героя художественного произведения.

Первым заявил о возможности рассмотрения персонажа в качестве модели ЯЛ Ю.Н. Караулов. Он же осуществил эту идею на практике, анализируя структурные особенности ЯЛ на примере героя романа А. Приставкина «Городок» Шохова, а объем и характер идиолексиконов – на материале речи персонажей романа Д. Гранина «Картина» [Караулов, 1987]. Аналогичный подход наблюдается во многих других работах¹: исследуется социальный тип английского аристократа в английской художественной литературе [Ивушкина, 1996], эмотивно-оценочные характеристики ЯЛ – в дискурсе Скарлетт из романа М. Митчелл «Унесенные

* Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (№ НШ 1736.2003.6), гранта РГНФ (№ 06-04-64402a/Т).

¹ Здесь и далее в связи с ограниченным объемом статьи ссылки на работы, связанные с тем или иным типом источников, являются иллюстративными, а не представляют собой их исчерпывающий перечень.

ветром» [Храмцова, 2000], ЯЛ, овладевающая нормами литературной речи – на примере Элизы Дулитл в пьесе Б. Шоу «Пигмалион [Ишкова, 2002] и т.п.

Несомненно, речь литературных героев – более «удобный» объект исследования, чем живая речь конкретного говорящего. При выборе этого источника отпадает или сводится к минимуму трудоемкая задача сбора материала; дискурс персонажа носит исчерпывающий характер и дополняется, как правило, внеязыковыми сведениями о его поступках, характере, мотивах деятельности и т.д. В то же время нельзя не осознавать весьма существенных различий между речевыми произведениями реального индивида и их воплощением в художественной форме. Насколько адекватным будет представление естественной речи ЯЛ через такого рода модель – вопрос открытый. Очевидно и то, что в этом случае возможно исследование только обобщенной ЯЛ – homo loquens вообще или его социолингвистического типа («русская ЯЛ», «ЯЛ английского аристократа», «ЯЛ «человека из народа» и проч.). Поэтому закономерно обращение лингвистов к иным источникам, центральное место среди которых занимают

б) тексты реальных ЯЛ

Источником материала чаще всего служат *письменные тексты, созданные изучаемой ЯЛ.*

Среди всего разнообразия письменных текстов преобладают *тексты художественные.* Они традиционно являются основным материалом в работах, посвященном описанию идиостилей (см., например, «Очерки истории языка русской поэзии XX века» [1995], монографии В.П. Григорьева «Грамматика идиостиля: В. Хлебников» [1983] и В.В. Леденевой «Особенности идиолекта Н.С. Лескова» [2000], диссертацию Т.Е. Пшениной о ЯЛ Катулла [2000] и мн. др.). Творчество талантливых писателей и поэтов привлекает внимание лингвистов, так как именно оно представляет «исключительно глубокое познание мира», «наиболее полное воплощение возможностей языка», «всегда индивидуально и неповторимо, выражает личностное отношение к миру» [Зубец, 2003, с. 120]. Немаловажным является также фактор доступности художественных текстов для широкого круга исследователей, поскольку большинство из них опубликовано. Однако в работах антропологического направления неоднократно отмечалось, что «...художественное произведение отражает определенное раздвоение языковой личности: с одной стороны, она представлена дискурсом его героев, с другой – опосредованно отражает языковую личность автора произведения» [Гайнуллина, 1995, с. 116]; «...писатель выступает в своих произведениях не как единая, целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» [Караулов, 1987, с. 86]. В определенной степени это противоречие снимается в лирике, где лирический герой и автор сливаются в одну ЯЛ.

Научные тексты привлекаются пока в единичных случаях. В кандидатской диссертации И.А. Федорченко [2002] подверглись анализу некоторые труды В.В. Виноградова по литературоведению и стилистике.

Все активнее начинают использоваться *эпистолярные тексты* самых различных ЯЛ. Среди них письма исторических деятелей – Петра I [Гайнуллина, 1995] и Ивана Грозного [Попова, 2004], писателей-классиков и наших современников – А.П. Чехова [Полякова, 2001] и С. Довлатова [Иссерс, 2000], видных деятелей науки – В.В. Виноградова [Кормилицына, 1996] и Ю.М. Лотмана [Парсамова, 2004], частных лиц – рядовых носителей современного литературного языка [Ножкина, 1993] и диалектоносителей [Маркелов, 2000].

При этом очевидно, что наиболее ценным источником являются личные письма. «Частная (неофициальная) переписка, пожалуй, как ни один другой вид общения, позволяет раскрыться человеческой личности. Это такой способ общения, где ярче всего проявляется языковая личность автора» [Кормилицына, 1996, с. 63].

В последние годы в качестве еще одного источника изучения ЯЛ выделяется *мемуарная литература*. Л.М. Рощина и М.П. Яковлева отмечают, что в мемуарах, обрабатываемых соавтором-профессионалом, языковой портрет автора нивелируется. Ценны в лингвистическом отношении воспоминания, написанные самостоятельно, не подвергшиеся литературной обработке [1995]. И в их статье, и в целом ряде других исследований как источник материала использовалась написанная в жанре мемуаров книга «Я, Майя Плисецкая»; И.В. Голубевой [2000] рассматривались синтаксические особенности автобиографии Н. Берберовой «Курсив мой». Для изучения ЯЛ рядовых говорящих представляют интерес «народные мемуары», публикация и источниковедческое описание которых осуществляются с 1995 г. Б.И. Осиповым в Омском госуниверситете. Записки людей из различных социальных слоев населения (крестьянина, работницы завода, районного служащего, солдата, прошедшего Великую Отечественную войну...) являются важным источником для историков, социологов, культурологов, языковедов. Наиболее значимы для лингвистической персонологии те публикации названной серии, которых не коснулась литературно-стилистическая правка (в частности, этим требованиям отвечает выпуск 1 [Автобиографические записки..., 1995]).

Большим потенциалом для изучения ЯЛ обладает такой источник, как *дневники*. Пока они привлекаются в качестве объекта исследования крайне редко. В историческом аспекте Н.С. Бондарчук и Р.Д. Кузнецова анализировали записки тверского купца М. Тюльпина, сделанные в 1762–1823 г. (в течение 60 лет) [1994]. И.И. Русиновой и И.И. Вяткиной описаны дневники диалектоносительницы М.П. Сусловой [2000].

Письменные тексты реальных ЯЛ имеют те же преимущества, что художественные тексты-модели: исследователь может опереться на компактно представленный и относительно полный корпус речевых произведений. Существенное различие в том, что в этом случае тексты отражают дискурс реально существующих или существовавших индивидов, вследствие чего источник обладает большей степенью достоверности. Кроме того, обращение к письменным текстам – единственно возможный способ исследования ЯЛ прошлых эпох.

Однако очевидна и репрезентативная ограниченность таких текстов для изучения ЯЛ. Во-первых, непосредственно доступной для наблюдения является лишь собственно речевая деятельность интересующего нас индивида. Сведения о личностных качествах говорящего и его речевом поведении либо должны быть почерпнуты из других источников (при их наличии), либо остаются вне поля зрения исследователя. Кроме того, для весьма обширного круга ЯЛ (носители местных говоров, городского просторечия, дети и др.) сфера письменной речи может вообще или почти отсутствовать.

Также исследуются *записи устных текстов ЯЛ*.

Записи могут отражать речь в различных условиях общения: в официальной и неофициальной обстановке, в области профессиональной и бытовой коммуникации.

В заданных ситуациях анализировались записи публичной речи политиков: президента В.В. Путина [Киуру, 2002], лидеров политических партий Г. Явлинского, А. Лебеда, В. Жириновского [Современный русский язык..., 2003, с. 182-195], лекций саратовского фармаколога К.И. Бендера [Кочеткова, 1998]. В ряде работ объектом исследования стали устные тексты тележурналистов: изучались ЯЛ Т. Митковой, И. Мишиной, Ю. Ростова, А. Гурнова в информационных передачах [Беспамятова, 1994], Л. Якубовича, В. Пельша, М. Галкина, А. Цекало, М. Киселевой в игровых программах центрального телевидения [Канчер, 2002] и др.

Записи речи, в той или иной степени приближенной к условиям естественно-го бытового общения, отражают главным образом речь рядовых носителей языка. Среди них можно выделить несколько групп информантов:

– дети. Так, лексикон 6-летней девочки исследовался А.А. Захаровой [1975], лингвостатистические особенности речи мальчика от 3 до 7 лет и девочки от 2 до 3 лет описаны Н.В. Куланиным [1988];

– взрослые носители русского литературного языка. Их тексты (в числе рассказчиков есть писатели, артисты, студенты, научные работники и др., жители Москвы и Санкт-Петербурга, мужчины и женщины), опубликованные в фонохрестоматии М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет» [1995], послужили основой представленных там же фрагментарных речевых портретов;

– русские эмигранты. Речевые портреты представителей этой группы ЯЛ, базирующиеся на сделанных автором записях устной речи, даны в работах Е.А. Земской [2000 и др.];

– носители городского просторечия. Речевой портрет И.Н. Целиковой, уроженки Ярославской обл., прожившей большую часть жизни в Ленинграде, очерчен В.Д. Черняк [Современный русский язык..., 2003, с. 497-513].

– диалектоносители. Записи их речи наиболее активно привлекаются исследователями конкретных ЯЛ. Они послужили базой для изучения фонетических особенностей речи старожилов на реке Абакан К.О. и А.К. Лыковых (работы казанских лингвистов З.М. Альмухамедовой, В.С. Маркелова, Г.П. Слесаревой [Из наблюдений над речью Лыковых..., 1986] и др.), экспрессивной лексики А.И. Пономаревой из Архангельской области (статьи Е.А. Нефедовой [2000] и др.), широкого спектра особенностей лексикона, грамматики, текстов и языковой рефлексии в идиолектах Е.М. Тимофеевой из Курганской обл. [Тимофеев, 1971], А.Г. Горшковой из Пермской обл. (серия работ пермских диалектологов Е.Ю. Балакишевой, Л.А. Грузберг, М.П. Егорьевой, В.А. Малышевой, Е.А. Огиенко, Ф.Л. Скитовой, И.Н. Щукиной [Грузберг, Егорьева, 1969; Скитова, Огиенко, 1971 и др.]), В.М. Петуховой из Курганской обл. (работы В.Д. Лютиковой [2000 и др.]) и В.П. Вершининой из Томской обл. (исследования представителей Томской диалектологической школы Е.В. Иванцовой, Л.Г. Гынгазовой, Т.Ф. Волковой, О.А. Казаковой и др.; обзор см.: [Иванцова, 2005]).

Степень естественности записи находится в прямой зависимости от степени близости собирателя и информанта, а также от длительности периода наблюдения.

Сбор материала на первых этапах (материалы В.П. Тимофеева, частично – тексты А.Г. Горшковой) осуществлялся без применения технических средств, от руки. Большинство текстов, записанных в наши дни, зафиксировано на магнитную ленту. В отдельных случаях (работы Т.В. Кочетковой, Г.Н. Беспамятновой, М.А. Канчер и некоторые др.) используются видеозаписи.

Сведения об объеме осуществленных записей в работах присутствуют далеко не всегда. В тех случаях, где они упоминаются, этот объем весьма широко варьируется и выражен в разных единицах измерения – количестве часов звучащего текста, количестве словоупотреблений, количестве страниц рукописного текста, компьютерного набора и даже в количестве текстов (?). Ср.: 12300 словоупотреблений [Захарова, 1975], более 200 стр. компьютерного набора, 1400 экспрессивных единиц [Нефедова, 2000], 2746 стр. записей от руки [Грузберг, Егорьева, 1969]; 16 часов магнитофонных записей [Из наблюдений над речью Лыковых..., 1986], 65 часов видеозаписи [Канчер, 2002], свыше 5000 текстов [Лютикова, 2000] и др. Самой крупной базой данных на сегодняшний день располагают томские диалектологи: записи речи В.П. Вершининой составляют более 10 тыс. страниц

рукописного текста, часть из которых (200 часов звучания) представлена также в фонотеке.

Как можно видеть, при опоре на устные тексты исследователь ЯЛ, как правило, использует собственные записи. Большинство этих текстов не опубликовано и доступно, помимо собирателей, очень ограниченному кругу пользователей. И сбор материала (особенно в условиях неофициального общения), и его последующая обработка требуют много времени и сил, однако эти энергозатраты компенсируются знанием ЯЛ «изнутри». Соединение наблюдений над особенностями речи, речевым поведением и личностью говорящего существенно повышает эффективность исследования.

Ценность текстовых источников в целом, без разделения на подвиды, обусловлена их объективностью, возможностью разностороннего исследования всех ярусов идиолектной языковой системы, особенно синтаксического, стилового и текстового, недоступных или плохо поддающихся интерпретации по данным словарей.

2. Основным вторичным источником лингвистических исследований традиционно считаются **словари**. В лингвоперсоналогии их использование еще не получило широкого распространения – видимо, в силу того обстоятельства, что большинство идиолектных словарей находятся в стадии создания или изданы сравнительно недавно.

Достоинства словарных источников – прежде всего в компактном и систематизированном представлении языкового материала, удобстве пользования и доступности широкому кругу исследователей.

Выделим наиболее распространенные типы словарей ЯЛ.

а) *Толковые общие словари языка творческого наследия писателей*. Широко известны «Словарь языка Пушкина» (1956–1961), серия словарей произведений М. Горького («Словарь автобиографической трилогии М. Горького», 1974–1986, «Словарь драматургии М. Горького», 1984–1994), словари языка Т. Шевченко («Словник мови Шевченка», 1964, «Словарь языка русских произведений Шевченко», 1985–1986). Ведется работа над лексикографическим представлением языка М. Цветаевой, К. Паустовского, Ф.М. Достоевского, В. Шукшина, Н. Клюева, В. Высоцкого и многих др.

Словари этой группы включают все зафиксированные в творческом наследии (или его жанрово ограниченной части) лексические единицы. В словарных статьях, как правило, имеются сведения о семантике и грамматических формах лексем, особенностях их образного употребления автором, представлен иллюстративный материал, в некоторых изданиях отражены частотные характеристики слов.

Вторичный источник наследует недостатки первичного – художественного текста, отражая «множественность» ЯЛ литературного произведения и ограниченность представления дискурса индивида только сферой письменной речи. Словарь языка писателя «безусловно, обладает индивидуальным колоритом, но последний определяется характером отображаемой автором действительности, особенностями избираемой тематики, специфическими чертами персонажей» [Караулов, 1987, с. 104]. Кроме того, по оценкам лингвистов, имеющиеся словари слабо отражают особенности авторского словоупотребления, субъективного смысла в художественных произведениях [Рудяков 1988, с. 144]. По мнению Ю.Н. Караулова, в них представлена модель языка эпохи, а не язык индивидуальности [1987, с. 88]. Часть элементов идиолексикона, характерных для устной речи, остается за пределами лексикографических трудов (С. Кохман [1995] продемонстрировал это, сопоставляя данные «Словаря языка Пушкина» с показаниями воспоминаний и дневников современников поэта).

б) *Толковые дифференциальные словари диалектоносителей*. Они фиксируют только территориально ограниченные элементы словарного запаса индивидов в записях устной речи. Это новаторский для своего времени «Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева (1971) и очень близкий к нему по принципам «Словарь диалектной личности» В.Д. Лютиковой (2000). Разработка словарных статей в них отличается меньшей глубиной, чем в первом типе изданий. В.П. Тимофеевым приводятся сведения о части речи заглавных единиц, роде существительных и формах словоизменения существительных и глаголов; семантические и функциональные пометы редки. У В.Д. Лютиковой несколько шире представлены экспрессивно-эмоциональные пометы, но грамматические характеристики даются лишь в отдельных случаях. И в том, и в другом словаре часто используется синонимический способ толкования значения через литературный эквивалент; каждое слово или ЛСВ иллюстрируется одним примером употребления (в «Диалектном словаре личности» встречаются и словарные статьи без контекстов). Сведения о частотности слов отсутствуют. Некоторые наблюдения над данными словаря В.П. Тимофеева представлены в статье Т.С. Коготковой [1975]. При всей значимости этих источников очевидно, что дифференциальный принцип отбора материала, оставляющий за рамками описания общерусские элементы, не отвечает современным требованиям системного представления лексикона.

Т.С. Коготкова [там же] считает, что обычные диалектные словари, в которых при контекстах есть указания на информантов (таков «Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области», где представлена речь 31 диалектоносителя, из них от семи записано наибольшее число текстов), также могут служить источником изучения индивидов. Думается, этот источник весьма ограничен по информативным возможностям.

в) *Аспектные словари*, представляющие идиолексион с целью анализа строго определенных вопросов. В качестве примеров таких источников можно назвать «Частотный словарь языка Лермонтова» (1981), «Словарь поэтических образов И. Бродского» В. Полухиной и Ю. Пярли (1995), словарь «Метафора Маяковского» Н.А. Тураниной (1997), «Материалы к словарю устойчивых образных сочетаний в произведениях В.П. Астафьева» Ю.В. Фроловой (2004), «Фразеологический словарь языка В.И. Ленина» Л.К. Байрамовой и П.Н. Денисова (1991), включающий внелитературную лексику и афоризмы «Словарь языка Александра Лебеда» Л.Г. Самогит (2004), «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е.А. Нефедовой (2001), «Идиолектный сравнений сибирского старожила» Е.В. Иванцовой (2005) и др. Как можно видеть, предметом лексикографирования являются прежде всего разного рода выразительные средства идиолекта: тропы, фразеологизмы, экспрессивная лексика и т.д.; имеется также несколько частотных словарей. Базой большинства аспектных источников служат художественные произведения писателей, в меньшей степени отражена ЯЛ политика в сфере публичной речи и диалектная ЯЛ в бытовом общении. Дать источниковедческую оценку этим разнообразным трудам еще предстоит исследователям. Каждый из них применим лишь для относительно узкого (в сравнении с толковым словарем общего типа) круга задач, но при их решении предоставляет максимально полную информацию.

г) *Недифференциальные толковые словари рядовых носителей языка*.

Словарь этого типа был задуман пермскими диалектологами при исследовании идиолекта А.Г. Горшковой еще в 70-е гг. XX в., однако работа над проектом остановилась на стадии создания картотеки.

Первый опыт «Полного словаря языковой личности» (рукопись объемом 135 а. л. завершена в 2002 г., в печати) осуществлен диалектологами Томской лингвистической школы. В соответствии с замыслом Словаря как недифференциального в него входит вся отмеченная в речи диалектоносительницы В.П. Вершининой лексика и фразеология – общерусская, диалектная и диалектно-простореч-

ная, нейтральная и экспрессивная, высокочастотная и малоупотребительная (около 22,5 тыс. лексико-семантических вариантов). Словарная статья включает: заглавное слово или фразеологизм в исходной форме; в отдельных случаях – указания на особенности его произношения; грамматические пометы и выборочные сведения о словоизменении; коннотативные, стилевые и функциональные пометы («ласкательное», «неодобрительное», «официальное», «в прецедентном тексте», «в чужой речи», «новое», «устаревающее», «неосвоенное», «окказиональное» и др.); толкование значения; иллюстративные контексты; употребление в составе сравнений и метафор; справочные сведения: о соотносительности единицы с основными формами национального русского языка; о количестве зафиксированных в картотеке словоупотреблений; о регулярно проявляющихся в текстах отношениях синонимии, антонимии, формального варьирования; отсылки к прецедентным текстам. В отдельные приложения вынесены употребляемые информантом имена собственные, пословицы и поговорки, фрагменты связных текстов ЯЛ (подробнее о принципах Словаря см.: [Иванцова, 2000]). Некоторые возможности использования этого источника в лексикологическом и синтаксическом аспекте освещены в работах [Иванцова, 2002а, 2004; Гынгазова, 2002].

В 2004 г. опубликован «Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстой, включающий около 3000 лексем (в том числе топонимы и антропонимы). В словарную статью входят заглавное слово, зафиксированные словоформы, пометы о частеречной принадлежности единиц, пометы при именах собственных, новых, устаревших, религиозных, «семейных», окказиональных, изредка – при экспрессивных и образных словах. Для диалектных элементов указываются краткое толкование значения и характер диалектных отличий от литературного языка: лексический, фонетический, словообразовательный. Иллюстрации из писем снабжены отсылками к номеру и странице источника, для низко- и среднечастотных слов приведено количество зафиксированных словоупотреблений. Справочная часть отражает сопоставление с данными ряда диалектных, литературных и исторических словарей.

Будучи полным по характеру отбора материала, источник лишь отчасти может быть отнесен к типу «недифференциальных толковых», поскольку основан только на материале писем информанта, составляющих периферию жанровой системы ЯЛ, и, кроме того, дает толкование лишь нелитературных единиц лексикона. «Словарь языка Агафьи Лыковой» представляет несомненную ценность для изучения уникальной ЯЛ. Вместе с тем отсутствие семантических характеристик общерусских слов и нерасчлененность подачи значений полисемантов осложняют исследование идиолексикона. Хочется надеяться, что в будущем увидит свет и вторая часть этого издания, основанная на записях устной речи.

3. В качестве вторичного источника изучения ЯЛ могут быть, кроме того, использованы **данные ассоциативных экспериментов.**

Сведения этих источников нередко используются при изучении коллективной ЯЛ. Первые опыты анализа ассоциаций конкретного человека проведены киевскими психологами [Старинец и др., 1968] и московскими лингвистами [Караулов, Коровова, 1993]. В источниковедческом плане эти данные еще не получили развернутой оценки. Протоколы ассоциативных экспериментов содержат информацию об устройстве лексикона с целью определения его ядра и периферии, дают материал для выявления общих и индивидуальных особенностей ассоциативных связей говорящего; пока применяются в лингвоперсонологии редко.

В практике исследований последних лет встречается также **комбинирование источников разных типов.** Комбинируются отдельные разновидности первичных источников (так, изучение ЯЛ Агафьи Лыковой казанскими учеными базируется на магнитофонных записях и письмах информанта [Слесарева, 1994]); реже наряду с первичными привлекаются и вторичные (ЯЛ О.Б. Сиротининой исследо-

валась с привлечением фрагментов устной (видео- и магнитофонные записи в неофициальной обстановке и в условиях публичного выступления) и письменной (интервью в газете, научные работы) речи информанта [Куприна, 1998]). Однако в целом необходимо отметить, что вовлечение в анализ разнородных источников является пока скорее исключением, нежели правилом.

Таким образом, современные исследования феномена ЯЛ опираются на широкий круг материалов, но разные типы источников привлекаются с разной степенью активности; неодинаков их объем и характер содержащихся в каждом отдельно взятом источнике языковых фактов.

Перед лингвистической персонологией стоят глобальные проблемы развития источниковой базы.

Представляется, что в число стратегических задач молодой области научного знания должны входить:

1. Ориентация на источники, отражающие реальный дискурс говорящих. Художественные тексты-модели ЯЛ со временем должны уступить место текстам конкретных носителей языка.

2. Выравнивание существующей диспропорции между привлекаемыми в практике исследований ЯЛ первичными источниками. Налицо явно выраженное предпочтение письменных текстов, представляющих прежде всего ЯЛ прошлого, и недостаточное внимание ко всем формам устной речи, отсутствие полноценного корпуса текстов современных носителей языка. Задачей первостепенной важности следует считать формирование текстовой базы личностей разных типов, живущих в наши дни (творческих и рядовых, представителей разных социолингвистических групп). Соотношение устных и письменных текстов информантов при этом должно соответствовать их реальным долям в дискурсе (общеизвестно, что устная речь преобладает над письменной независимо от профессии и рода занятий индивида). Высокоинформативные записи устной речи могут быть получены только в результате долговременного наблюдения над особенностями языкового существования информантов в условиях, близких к естественным.

3. Создание вторичных источников (прежде всего словарных), отвечающих требованиям современной науки. Совершенствование лексикографической базы лингвоперсонологии невозможно без составления словарей полного типа, отражающих все сферы речи ЯЛ и включающих максимально полную информацию о различных сторонах речевой деятельности индивида. Многопараметровое описание идиолекта в полном словаре толкового типа в идеале должно быть поддержано и развито через систему аспектных словарей той же ЯЛ.

4. Комплексное исследование конкретных ЯЛ с привлечением источников разных типов (первичных и вторичных) с целью объективной, всесторонней характеристики данного феномена (первый такой проект осуществляется в Томской лингвистической школе. Изучение диалектной ЯЛ опирается на корпус магнитофонных записей устной речи и данные полного словаря [Иванцова, 2002б и др.]; созданы частотный словарь и словарь сравнений информанта; ведется работа над словарем антропонимов и идеографическим словарем).

5. Теоретическое осмысление информативных возможностей уже используемых источников. Эта задача может быть решена совместными усилиями ученых, работающих в области лингвоперсонологии и лингвистического источниковедения.

Литература

Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка, предисловие и комментарии Б.И. Осипова. Омск, 1995.

- Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994.
- Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Д. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII–XIX веков как социального типа. «Летопись о событиях в Твери...» М. Тюльпина // Среднерусские говоры: проблемы истории. Тверь, 1994. С. 25-34.
- Гайнуллина Н.И. Дискурс Петра Великого как объект истории русского литературного языка // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995. Т. 1. С. 116-117.
- Голубева И.В. Штрихи к речевому портрету Н. Берберовой (на материале синтаксиса автобиографии «Курсив мой») // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2000. С. 27-31.
- Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М., 1983.
- Грузберг Л.А., Егорьева М.П. О соотношении языка говора и речи одного носителя говора (на материале вводных элементов) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. 1. С. 65-75.
- Гынгазова Л.Г. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолекта в синтаксическом аспекте // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. М., 2002. С. 239-243.
- Захарова А.В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975.
- Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 100-121.
- Зубец М.В. Об индивидуальном в языковой картине мира // «Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова». Сер. 5. Вып. 5; Сер. 6. Вып. 2. Абакан, 2003. С. 116-121.
- Иванцова Е.В. О полном словаре личности // «Русистика сегодня». 2000. № 1–4. С. 63-75.
- Иванцова Е.В. Картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» как источник изучения идиолексикона // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. М., 2002а. С. 235-238.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002б.
- Иванцова Е.В. Языковая личность сибирского старожила: лексикографическое представление // Русский язык и литература в Сибири. Красноярск, 2004. С. 6-23.
- Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // «Вестник Том. гос. ун-та». 2005 (В печати).
- Ивушкина Т.М. Манера речи и голос как характеристики языковой личности // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 133-141.
- Из наблюдений над речью Лыковых – старожилов на реке Абакан / З.М. Альмухамедова, В.С. Маркелов, Г.П. Слесарева и др. // Фонетика и письмо. Устинов, 1986. С. 103-115.
- Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // «Русистика сегодня». 2000. № 1–4. С. 63-75.
- Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 2002.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // «Вопросы языкознания». 1993. № 5. С. 5-15.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.

- Киуру К.В. Языковая личность в аспекте гендерной роли (на материале речей В.В. Путиной) // *Язык и образование*. Великий Новгород, 2002. С. 59.
- Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // *Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики*. М., 1975. С. 285-301.
- Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене // *Вопросы стилистики*. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 63-71.
- Кохман С. Словарь языка Пушкина и язык пушкинского времени // *Международ. юбил. сессия, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова: Тез. докл.* М., 1995.
- Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов, 1998.
- Куланин Н.В. О некоторых лингвостатистических особенностях детской речи // *Языковое сознание: стереотипы и творчество*. М., 1988. С. 130-148.
- Куприна С.В. Устная и письменная монологическая речь одного лица. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998.
- Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М., 2000.
- Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.
- Маркелов В.С. Письма Агафьи Лыковой // *«Русская речь»*. 2000. № 3. С. 65-73.
- Нефедова Е.А. Идиолект как источник диалектного варьирования // *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII)*. М., 2000. С. 251-262.
- Ножкина Э.М. Письма одного лица в разных ситуациях // *Вопросы стилистики*. Вып. 25. Саратов, 1993. С. 72-80.
- Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М., 1995.
- Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
- Полякова В.Н. Письма писателя как образец эпистолярного поведения сильной языковой личности (на материале писем А.П. Чехова) // *Язык и образование*. Великий Новгород, 2001. Вып. 2. С. 67.
- Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
- Пшенина Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000.
- Рощина Л.М., Яковлева М.П. Автор мемуаров как языковая личность // *Этническое и языковое самосознание*. М., 1995. С. 126-127.
- Рудяков Н.А. Субъективные моменты значения слов в словаре // *Теория языка и словари*. Кишинев, Штииница, 1988. С. 142-147.
- Русинова И.И., Вяткина И.И. Грамматические особенности дневниковых записей диалектоносителя // *Словесность и современность*. Ч. 2. Лингвистика. Пермь, 2000. С. 163-168.
- Скитова Ф.Л., Огиенко Е.А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // *Живое слово в русской речи Прикамья*. Пермь, 1971. Вып. 2. С. 26-39.
- Слесарева Г.П. Отражение особенностей говора на письме (по материалам магнитных записей и писем от А. Лыковой) // *Духовная культура: проблемы и тенденции развития*. Сыктывкар, 1994. С. 57-58.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003.
- Старинец В.С., Агабабян К.Г., Неядлкова Г.И. Экспериментальные исследования семантической организации ассоциативных сетей // *Моделирование в биологии и медицине*. Вып. 3. Киев, 1968. С. 6-13.
- Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: Учеб. пособие. Шадринск, 1971.

Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности В.В. Виноградова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Храмцова Л.Н. Презрение в эмотивно-оценочном дискурсе одной языковой личности // Проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск, 2000. С. 58-65.